

Елена КРЮКОВА

г. Нижний Новгород

ЧИСТЫЙ РОДНИК

Елена Пиетилäinen, поэт из Петрозаводска, недавно порадовала российских читателей новой книгой стихотворений – «Заповедник любви».

Елена Пиетилäinen – тончайший лирик, один из лучших современных лирических поэтов России. Стихи подобной грации, ясности, прозрачности, нежной исповедальности редко встретишь. На фоне часто, увы, формальных и откровенно надуманных словесных экспериментов такой поэтический мелос – как веяние ангельских крыльев. Поэзия Елены Пиетилäinen – как сам Север, не утерявший душевной воли, духовной

крепости, природной чистоты: широко распахнуты бездонные озерные светлые глаза этих стихотворений, и в них отражаются солнце и грозы, суровые тучи и снова – синее бесконечное небо.

Ассоциация с вечноживущей природой тут напрашивается сразу. Автор нигде не теряет естественного поэтического дыхания, чувства простора и его неоспоримой, влекущей глубины:

*Завтра встану рано-рано –
Проводить тебя в дорогу.
Проводить тебя в дорогу
С забеленного крыльца.
В наши окна будет странно
Ночь глядеть луною строгой.
Не одна звезда прольется
С почерневшего лица...*

Эти слезы, что льются, как падающие звезды, со скорбного женского лица при разлуке с любимым – прекрасная, высокого пафоса мегаметафора, где нежно-человеческое вырастает до масштабов космического, до подлинности древней онтологии.

Поэт, сохраняя счастливо найденную интонацию грации и свободы, обладая легким и вольным дыханием, радует нас точными наблюдениями – и вместе с тем не дает далеко уйти от осмысления времени, от ясного и мощного ощущения неуклонного хода времен:

*...А дерево над смертью белой
Корнями держится за жизнь.*

Великие образные и живописные традиции классической русской поэзии Елена Пиетилäinen продолжает и укрепляет, удивляя читателя тонко подмеченными подробностями, неповторимо увиденными деталями быта и бытия:

*Стук столового серебра...
Плачут свечи на тонкую скатерть,
И торопится ветер собрать
В полы розовый снег на закате.*

А родная Карелия – как не воспеть ее, не спеть о ней песню! Песня и молитва очень близко стоят к истинной поэзии. Музыка слышится в этих прозрачных, луноликих строках:

*Так лед звенел еще вчера
Над пробудившимся Онего,
Волна в ночной сорочке снега
Дремала сладко до утра...*

И опять на поверхность текучей воды времени всплывает это чувство, что посещает всех и каждого – только Елене Пиетилийнен удалось облечь его в чеканные и одновременно предельно живые и страстные, огненные и четкие, как древние петроглифы на прионежских скалах, словесные знаки:

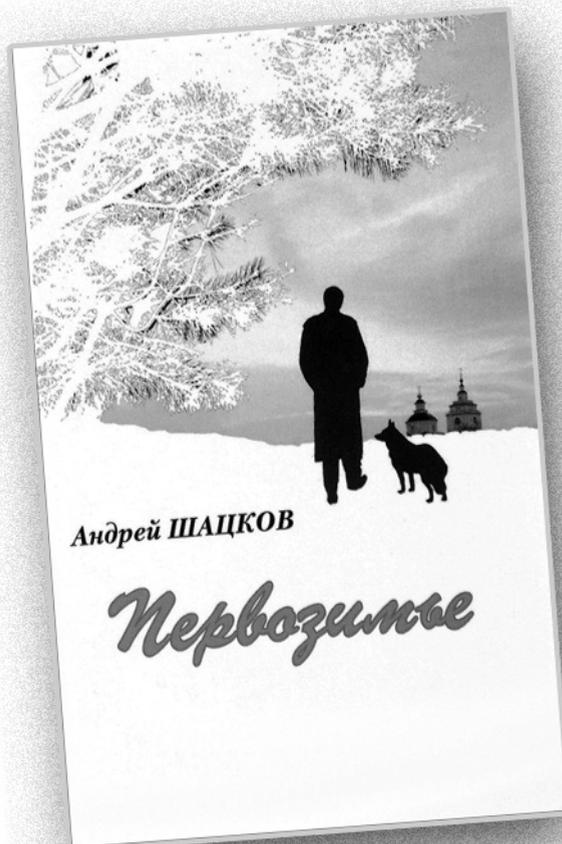
*Я смерти не боюсь.
Ведь нет ее,
Пока горит негаснущее слово...*

Поэзия Елены Пиетилийнен на нынешней поэтической карте России – чистый ручей. Родник, незамутненный и радостный. Северная река, что сбрасывает шубу льда по весне и освобожденно, чисто несет под широким холодным небом свои воды. А может, дивное и спокойное карельское озеро, таящее в глубине боль и слезы, плач по ушедшим, но упрямо отражающее уходящие в бесконечность небеса радости и счастья. Женское горе, женское счастье? Поэт – женщина, и сила любви и печаль разлуки пронизывают, пропитывают ее стихи, но она может одним-двумя штрихами обозначить и важные, крупные, общечеловеческие ценности:

*У зажженной свечи
распускается пламя,
Словно алый созревший
цветочный бутон.
Как душа, будет пусть
милосердною память,
И законом в миру
будет Божий закон.*

Вот этот Божий, незыблемый закон надежды и любви – и земля под ногами, и люди на ней, и высокое солнечное или звездное небо светлой, как северная река, поэзии Елены Пиетилийнен. Пейте, дорогие, из этого чистого родника.

**Елена Пиетилийнен.
«Заповедник любви».
(Петрозаводск, «Острова», 2019)**

СКОРБЬ И РАДОСТЬ

Андрей Шацков напрямую работает с символами-знаками жизни и смерти. Любой художник на земле в свой черед приходит к осмыслению этих первообразов, к их непростой, многослойной интерпретации; бережно прикасается к ним, поелику возможно, и эти опасные огненные прикосновения дают ему силы жить, работать, дышать дальше – сквозь все ясно ощущаемые скорби мира и личные ненастья.

Шацков – поэт в той же мере верующий, религиозный, в какой и пытающийся человеческим взором и человеческими обыденно-мирскими интонациями охватить Божественный окоем. И оттого его поэтическая ойкумена воздействует столь пронзительно. Лейтмотив безмерного одиночества слышен слишком явно и явственно для того, чтобы его не заметить читателю, но это одиночество – не богооставленность; это высокое и скорбное одиночество художника, прошедшего – и мужественно идущего – своим трудным путем по земле; хлебнувшего горечи, но вкусившего и радости, и праздника, и счастья.

Пройти по лезвию незримой бритвы между счастьем и горем, между временем и временем, между рождением и уходом, светом и мраком – да, это уже судьба, и она ясно просвечивает сквозь суровость единственных строк:

*Надо жить, а как без света жить?
Темнота копится за порогом.
Камень бел-горюч во мгле лежит,
Без призора брошенный Сварогом.*

*Это твой последний оберег.
Твой последний луч дневного света...
Холода... Россия... Первый снег...
Исповедь печальная поэта.*

Да не обманет глаз и ухо читателя строгий стиль. Шацков – прямой наследник мастеров русской классической поэзии, но это формообразующее и великодушное начало таит в себе и уникальную страстность, и врожденное (и воспитанное!) упорство в достижении цели, и тягу к позабытому, наследному героизму – имена Боброка, Игнатия Кремня, Ермака, Муравьева-Апостола, что появляются в текстах, всплывают на поверхность стиха из толщи вод Времени и вдруг вырастают над головою – в давних дивных небесах – светящимися стягами и хоругвями (мы это ясно видим и слышим!), живут и дышат пламенной поддержкой одинокой души, мятущейся, бредущей сквозь мглу и тучи новых времен, неуспокоенной.

*В сердце, переполненном тоскою,
Птичий клин смыкается вдали –
Там, где за Непрядвою-рекою
Полегли от ветра ковыли.*

Есть одно огромное утешенье поэту – он вступает в диалог с природой, и она для него и вправду, по Тютчеву, «полна чудес»; он остается с нею один на один, и именно тогда рождаются эти живоносные строки, звучание которых выносит ладью скитальческой души на безбрежный простор спокойного моря любви и вечности:

*Осенний день, как поздний лист, упал,
Прощается со стаями полесье.
Благословен, кто в пору не проспал
Ночное и дневное равновесье!*

Таковы и все благоговейные поэтические обращения к русской истории, к ее славным именам: для поэта это все не только (и не просто!) живые люди,

но и воплощенные архетипы, судьбоносные личности, духовные магниты Родины, что держат, как некие атланты, на своих неколебимых, незыблемых плечах всю тяжесть прежнего, испытанного народом пути и неисповедимой будущей дороги:

*Светлый отроче Варфоломее,
Старец Сергей – предстатель Руси.
Что ж душа все скорбит и болеет,
Словно просится ввысь – в небеси?*

И что давным-давно, что вчера, что сегодня, что в неведомом будущем – человек все тот же: сомневающийся, верующий, сильный и слабый, кричащий и молчаливый... и страстно, с несломленной надеждою тоскующий по любви:

*...Ну, а душу, откуда жива у поэта душа,
Отогреет любовь,
что приходит душе во спасенье.
И бездонные снега на землю
прольет из ковша Млечный Путь...
и до светлых минут Воскресенья*

*Им лежать – этим вечным,
матерым снегам,
Чтобы наполнила грусть непонятные,
рваные строки.
Первозимье...
Иду поклониться соломы стогам,
Обелисками лету
застывшими возле дороги.*

Андрей Шацков очень русский поэт. Одиночество, вера, время – бережущие душу вечные русские темы.

Андрей Шацков очень эмоциональный поэт. Он свободно вовлекает в орбиту скорби и строгости, молитвы и страсти. Его искусство – это чувство. Андрей Шацков предельно искренний поэт – а куда же поэту без искренности, без исповеди? Книга «Первозимье» – такая уникальная исповедь. Поэт поет свою песню, и мы ее слышим. Песня эта зовет посмотреть вверх. В небо. И там, на вершинах, минорная печаль этой полевой, зимней исповеди соприкасается с предвечной сияющей радостью.

**Андрей Шацков.
«Первозимье».
(Москва, «Вест-Консалтинг», 2017)**